

роли театра въ Совѣтской Россіи. Школьное обученіе, дѣтскія игры, спортъ, ритмическая гимнастика — насквозь проникнуты театромъ. Значеніе этого метода, конечно, огромно. Все молодое поколѣніе воспитано на театрѣ. Создается новая «театральная культура»; въ дѣланіе ея вовлечены массы. Къ нимъ постепенно переходитъ инициатива. Онѣ уже начинаютъ протестовать противъ суррогатовъ: имъ нуженъ театръ, а не драматизованная пропаганда. Ихъ энергія, ихъ увлеченіе, ихъ любовь къ театру готовятъ пути грядущему драматургу.

К. Мочульскій.

П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Томъ второй. Вѣра. Творчество. Образованіе. Часть первая. Церковь и религія. Литература. Юбилейное изданіе. Парижъ. Изд-во «Современныя Записки». 1931.

Юбилейное изданіе «Очерковъ по исторіи русской культуры» П. Н. Милюкова началось въ прошломъ году выходомъ въ свѣтъ третьяго тома. Теперь вслѣдъ за нимъ появилась въ печати первая часть втораго тома. Въ прежнихъ изданіяхъ этотъ второй томъ, посвященный исторіи русской церкви, литературы, искусства и школы, не дѣлился на части. Въ новомъ, юбилейномъ изданіи онъ раздѣленъ на двѣ части и вышедшая уже первая изъ нихъ, заключающая въ себѣ исторію церкви и литературы, по своему объему превышаетъ весь второй томъ предыдущаго изданія. Одно это обстоятельство уже говорить о томъ, какой значительной переработкѣ подвергъ авторъ свой трудъ, — въ новомъ его изданіи передъ нами, если не новая, то во всякомъ случаѣ иная, во многомъ обновленная книга.

Произведенная авторомъ переработка не коснулась, правда, ни общихъ положеній, въ свое время взятыхъ имъ въ основу втораго тома «Очерковъ», и общихъ выводовъ, развитыхъ въ немъ, ни главныхъ линій того плана, по которому онъ былъ построенъ. То и другое осталось въ данной книгѣ неизмѣннымъ. Новымъ въ ней является лишь вновь внесенный въ нее матеріалъ, но матеріалъ этотъ очень великъ и значителенъ. Мѣстами онъ только дополняетъ прежнее изложеніе, мѣстами же настолько расширяетъ рамки послѣдняго, что въ книгѣ создались совершенно новыя, раньше отсутствовавшія въ ней главы.

Измѣненія перваго рода, сводящіяся къ частичному дополненію прежняго текста «Очерковъ», произведены авторомъ главнымъ образомъ въ начальныхъ главахъ обоихъ отдѣловъ его книги, посвященныхъ исторіи церкви и исторіи литературы. Появившіяся за послѣдніа десятилѣтія новыя матеріалы и новыя изслѣдованія въ этихъ областяхъ существенно дополнили имѣвшіяся раньше въ научномъ оборотѣ свѣдѣнія объ нихъ. Въ свѣтѣ вновь добытыхъ данныхъ, говоря словами П. Н. Милюкова, «многое изъ того, что казалось рабскимъ заимствованіемъ при прежнемъ состояніи нашихъ знаній, оказалось нечуждымъ самостоятельныхъ чертъ, могущихъ характеризо-

вать національное творчество». Учитывая эти приобретения русской исторической науки, авторъ и ввелъ въ свое изложение нѣкоторыя дополненія, а мѣстами и исправленія прежняго текста. Однако всѣ такія дополненія и исправленія, всецѣло сохраняя свой частный характеръ, ни въ какой мѣрѣ не ведутъ за собою измѣненія его общихъ выводовъ и, удерживая его книгу на уровнѣ послѣднихъ достижений русской исторической науки, по существу мало въ чемъ измѣняютъ ея обликъ.

Гораздо болѣе значительны другія измѣненія — въ послѣднихъ главахъ обонхъ отдѣловъ книги. Авторъ поставилъ себѣ задачу довести свое изложение до настоящаго времени. Выполняя ее, онъ, съ одной стороны, пополнилъ и расширилъ содержаніе главъ, излагающихъ исторію послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка, съ другой — заново написалъ главы, посвященныя истекшимъ годамъ настоящаго столѣтія, до революціи 1917 года и послѣ нея, вплоть до 1930 года. И эти вновь написанныя части его книги и сообщаютъ ей въ значительной мѣрѣ характеръ новаго труда, впервые появляющагося въ печати и, добавлю, не имѣющаго себѣ въ такомъ объемѣ предшественниковъ въ русской литературѣ.

И исторія церкви, и исторія литературы излагаются такимъ образомъ въ книгѣ П. Н. Милюкова съ древнѣйшихъ временъ почти до нынѣшняго дня.

Въ послѣдней, цѣликомъ вновь написанной, главѣ авторъ говоритъ о судьбахъ церкви за время революціи. Охарактеризовавъ въ началѣ этой главы положеніе господствовавшей церкви и настроенія ея клира передъ революціей и въ первые ея моменты, онъ рассказываетъ затѣмъ о церковномъ соборѣ 1917 г., избраніи патріарха Тихона и первыхъ столкновеніяхъ собора и патріарха съ захватившими власть большевиками. Въ дальнѣйшемъ, продолжая свой рассказъ, авторъ излагаетъ всѣ главныя перипетіи той борьбы, которая завязалась у «патріаршей», «тихоновской» церкви, съ одной стороны, съ ея противниками въ средѣ самого православнаго духовенства и мірянь, организовавшимися въ такъ назыв. «живую» и «синодальную» церкви, съ другой — съ большевиками. Подводя итоги своего чрезвычайно обстоятельнаго, яркаго и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне объективнаго разсказа, доведеннаго до нашихъ дней, авторъ отмѣчаетъ, что православная церковь устояла въ этой борьбѣ, не была сломлена ею, но, съ другой стороны, не осуществились и высказывавшіяся въ началѣ революціи надежды на церковную реформу. «Всего вѣроятнѣе, — заключаетъ онъ, — что православная церковь переживетъ революцію, ни въ чемъ не измѣнившись», а слѣды того, что сдѣлано было за время революціи для пробужденія и усиленія религіознаго сознанія вѣрующихъ, «сохранятся и падутъ сѣменемъ въ кругахъ, стоящихъ внѣ православной церкви», и «копая, какъ въ концѣ XVII вѣка, народная вѣра отдѣлится отъ церковной».

Исторія церкви удѣлено почти двѣ трети книги П. Н. Милюкова и лишь немногимъ больше трети ея, всего 170 страницъ, занимаетъ

отдѣл исторіи литературы. Но и здѣсь, въ этихъ сравнительно тѣсныхъ рамкахъ, авторъ даетъ читателю чрезвычайно обильный фактический матеріалъ, сжатый въ ясныя, отчетливыя и убѣдительныя сѣмы. Въ началѣ первой главы этого отдѣла авторъ, повторяя, съ которыми лишь небольшими измѣненіями, прежній текстъ «Очерковъ», прослѣживаетъ развитіе, съ одной стороны, содержанія, съ другой, языка и стилей русской литературы отъ древнихъ временъ включительно до классическаго ея періода. Переходя въ дальнѣйшемъ къ послѣднимъ десятилѣтіямъ прошлаго вѣка и къ началу нынѣшняго, онъ, значительно уже расширяя здѣсь прежнія рамки своего изложенія, довольно подробно обрисовываетъ происходившую въ данную пору смѣну литературныхъ направленій, попутно давая сжатые и въ своей сжатости часто блестящія характеристики главныхъ представителей этихъ направленій.

Вторая—и послѣдняя—глава данного отдѣла вся уже написана авторомъ вновь и содержитъ въ себѣ изложеніе судебъ русской литературы за время господства надъ Россіей большевиковъ. Авторъ устанавливаетъ три періода существованія литературы подъ эгидой большевицкой власти. Первымъ изъ нихъ явился періодъ военнаго коммунизма, когда почти всѣмъ старымъ дѣятелямъ литературы пришлось совершенно замолчать и открыто выступали лишь возглавлявшіеся Маяковскимъ футуристы, выдававшіе себя за пророковъ и выразителей революціи, да создатели и участники «Пролеткульта», стремившіеся на мѣсто обреченной ими на гибель «буржуазной» литературы вызвать къ жизни литературу пролетарскую. Съ началомъ Нэпа открылся второй періодъ, когда старые писатели получили нѣкоторую возможность выступленій и благодаря нѣсколько большей свободѣ, предоставленной литературѣ, изъ старыхъ и молодыхъ писателей образовалась группа «попутчиковъ», при дѣятельномъ участіи которыхъ литература отъ стихотворнаго энтузіазма и планетарныхъ мечтаній обратилась къ изображенію психологій и быта. Однако послѣдовавшая вскорѣ отмѣна Нэпа и дальнѣйшее обостреніе политики большевиковъ въ эпоху власти Сталина повели къ тому, что писателямъ вновь были предъявлены усиленныя требованія «революціоннаго энтузіазма» вплоть до участія въ «борьбѣ» за пятилѣтку. Такъ начался для литературы третій періодъ, въ которомъ всѣ литературныя теченія, пытавшіяся проявить хотя бы малѣйшую самостоятельность, тѣмъ самымъ уже оказывались неблагонадежными и навлекали на себя репрессию, и этотъ періодъ продолжается и до настоящаго времени. При этомъ втеченіе всего существованія большевицкой власти наряду съ прямыми ея органами дѣйствовали и коммунистическія писательскія организаціи, стремившіеся установить свой контроль надъ всей литературой. Все это, конечно, до крайности калѣчило и калѣчитъ художественное творчество. И тѣмъ не менѣе, какъ констатируетъ авторъ въ результатъ даваемого имъ обзора вышедшихъ въ Россіи за послѣдніе годы художественныхъ произведеній, все это не убило окончательно русской литературы и даже не остановило впол-

нѣ ея развитія въ направленіи возврата къ художественному реализму классическаго періода.

Таково въ основныхъ своихъ чертахъ содержаніе и таковы главнѣйшіе выводы вновь вышедшей части «Очерковъ по исторіи русской культуры». Въ ея изложеніи можно, пожалуй, отмѣтить нѣкоторую неравномѣрность, проявляющуюся въ томъ, что дальше отстоящіе отъ нашего времени періоды изложены гораздо менѣе подробно, чѣмъ болѣе близкіе, но эта неравномѣрность вполнѣ законна. Авторъ совершенно справедливо указываетъ въ своемъ предисловіи, что новѣйшія явленія, «какъ это ни странно, оказываются и наименѣе извѣстными, и наименѣе поддающимися обзорѣнію въ своей совокупности» и потому требуютъ болѣе подробнаго изложенія. Мѣстами, правда, когда рѣчь идетъ о болѣе отдаленномъ времени, усвоенная авторомъ сжатость изложенія ведетъ къ тому, что изъ него выпадаютъ нѣкоторые существенные моменты изображаемыхъ процессовъ. Такъ, говоря о русскомъ богословствованіи, авторъ вовсе не упоминаетъ объ Оптиной пустыни, съ которой однако была связана рядъ выдающихся свѣтскихъ религіозныхъ мыслителей въ Россіи. Или въ другомъ мѣстѣ, говоря о дѣятеляхъ классическаго періода русской литературы, онъ обходитъ полнымъ молчаніемъ имя Лермонтова. Но такихъ, во всякомъ случаѣ частныхъ, пробѣловъ въ изложеніи П. Н. Милюкова очень немного. Взятая же въ цѣломъ, новая часть его «Очерковъ», содержа въ себѣ богатый фактическій матеріалъ, сгруппированный и изложенный съ обычнымъ мастерствомъ автора, даетъ читателю стройную и цѣльную картину развитія русской культуры въ сферѣ религіи и литературнаго творчества. «Практической выводъ» изъ этой картины по отношенію къ настоящему моменту русской жизни авторъ формулируетъ въ такихъ словахъ: «Историческая ткань культуры не порвана. Видимое откатываніе культуры далеко назадъ, въ пройденные уже, казалось, фазисы прошлаго, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что иные достигнутые успѣхи оказались поверхностными и вѣшными. Навстрѣчу разрушенію идутъ, во всякомъ случаѣ, зачатки новыхъ творческихъ процессовъ, стремящихся притомъ связать себя съ достижениями прошлаго». Значеніе этого вывода, опирающагося на все содержаніе книги П. Н. Милюкова, едва ли надо подчеркивать.

В. Мякотинъ.

A. R. Cederberg. Heinrich Fick. Ein Beitrag zur russischen Geschichte des XVIII Jahrhunderts. Tartu-Dorpat.

Среди иностранцевъ, при Петрѣ Великомъ вступившихъ на русскую службу и привлеченныхъ Петромъ къ участию въ разработкѣ преобразовательныхъ плановъ, Генрихъ Фикъ занимаетъ немаловажное мѣсто. Уроженецъ Гамбурга, онъ молодымъ человѣкомъ вступаетъ въ шведскую службу, съ однимъ изъ шведскихъ полковъ участвуетъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи въ первый періодъ Сѣверной войны, потомъ переходитъ на голштинскую службу, а въ